

Глава 4 Узы поневоле

Фан Цзычэнь снова нахмурился.

Что за шутки? Ему всего восемнадцать — какой брак? В его прежнем мире в этом возрасте жизнь только начиналась, а тут... Даже если допустить мысль о ранней женитьбе, то не настолько же!

Чжао-гэр поднял на него взгляд. Заметив помрачневшее лицо юноши и его красноречивое молчание, он сразу всё понял.

В груди тупо заныло — странное, гнетущее чувство, которое невозможно было облечь в слова. Стало просто невыносимо горько.

Он крепко сжал руку Гуай-цзяя. Чжао-гэр не проронил ни звука, не стал молить о пощаде. В его застывшем взгляде читалось безразличие пополам с оцепенением, словно он был лишь сторонним наблюдателем в этой сцене.

«В худшем случае — смерть», — отрешённо подумал он.

Но... где-то в самой глубине души он всё ещё надеялся, что кто-то придёт и спасёт его.

За все девятнадцать лет его жизни такие мысли посещали его лишь трижды.

Впервые это случилось, когда его, похищенного и проданного, поймали при попытке к бегству. Семья Ма заперла его в ветхом, сыром и тесном сарае, связав по рукам и ногам грубой верёвкой. Они избивали его каждый день, лишали еды и воды. Раны на руках гноились, в них заводились личинки, заживо поедавшие плоть. Он был тогда совсем мал — ужас, отвращение и бессилие накрывали его с головой.

Он умолял семью Ма отпустить его, обещал, что больше никогда не побежит, но Ма Дачжуан был непреклонен. Он говорил, что это урок — нужно вбить в мальчишку страх, чтобы тот и думать забыл о побеге.

Люди семьи Ма были по-настоящему жестоки: они продержали его в этой клетке шесть дней.

Тогда, глядя на скудные лучи света, пробивающиеся сквозь дырявую крышу, он каждую ночь мечтал о спасителе.

«Неважно кто... лишь бы вытащил меня отсюда»

Но никто не пришёл.

Слова Ма Дачжуана оказались правдой: в последующие годы страх и боль, выжженные в памяти, не давали ему даже помыслить о побеге. Он стал послушным рабом: рубил дрова, пахал в поле, стирал, носил воду — трудился на износ, словно заведённый механизм.

Не то чтобы он не чувствовал усталости — он просто не смел остановиться.

Но даже такой преданности семье Ма было мало: ему запрещали покидать деревню Сяохэ даже на шаг. Так он и жил, запертый в этой нищете, работая как вол, не видя просвета.

Второй раз это случилось вчера, когда он тонул. В миг абсолютного отчаяния, уходя под воду, он снова подумал о спасении — ему не хотелось умирать, ведь его сын был ещё так мал.

...И тогда появился Фан Цзычэнь.

И вот сегодня эта мольба о помощи возникла вновь.

В деревне Сяохэ он был чужаком, человеком без корней. Если его выгонят из дома мужа, ему некуда идти — у него нет родни, которая могла бы его принять. В кармане ни гроша, над головой ни крыши.

Времена были суровые. Покрыв семью Ма таким позором, он окажется на улице. Если Фан Цзычэнь откажется от него, а деревня отвернётся — что тогда сделают с ним бывшие родственники?

А его ребёнок? Он ведь ещё совсем кроха...

За одно мгновение в голове Чжао-гэра пронеслось множество пугающих картин.

— Папа?.. — Гуай-цзай поднял голову и тихонько позвал его.

Несмотря на летний зной, руки Чжао-гэра были ледяными. Ему пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы голос не дрогнул. Он крепче сжал ладошку сына:

— Всё хорошо...

— Папа, не плачь, — прошептал малыш.

Фан Цзычэнь посмотрел на старую госпожу Ма и медленно произнёс:

— Возвращайтесь-ка вы лучше... — он явно хотел добавить «откуда пришли», но не успел.

— Господин!..

В этот момент во двор вбежал гэр. С покрасневшими от слёз глазами он бросился к Цзычэню:

— Умоляю вас, возьмите Чжао-гэра в жёны! Если они заберут его обратно, то наверняка посадят в свиную клетку и утопят в реке за позор. Прошу вас, спасите его!

Фан Цзычэнь опешил.

— Неужели всё так серьёзно? — невольно спросил он старосту.

Хэ Чжи тяжело вздохнул.

— Чжао-гэр был куплен семьёй Ма, — нехотя пояснил он. — Раньше, когда жизнь была полегче, лишний рот их не тяготил. Но в последние два года на границе беспокойно, налоги выросли. К тому же правительство объявило новый рекрутский набор. У Ма трое сыновей, да ещё подрастающие внуки — целая толпа мужчин, и никто не хочет идти воевать. Приходится платить откупные, а это огромные деньги. Сейчас у них в закромах шаром покати. Чтобы сэкономить на еде и хоть немного подзаработать, они решили избавиться от Чжао-гэра.

Староста сделал паузу и добавил:

— Думаю, если ты его не заберёшь, они либо утопят его под предлогом потери целомудрия, либо продадут в какой-нибудь притон. Хорошего конца в семье Ма ему не видать.

«Ну и бедолага же он», — подумал Цзычэнь.

Он промолчал. Фан Цзычэнь не считал себя святым. Обычно он был не прочь восстановить справедливость, если это не вредило его собственным интересам, но сейчас одно мягкосердечное решение могло связать его по рукам и ногам на всю жизнь.

И всё же... он не мог просто отвернуться.

Юноша колебался довольно долго, прежде чем с трудом выдавил:

— Ладно. Женитьба так женитьба, невелика беда. Будем жить как братья, почему бы и нет.

Хэ Чжи нахмурился, вглядываясь в лицо парня:

— Ты хорошо подумал?

— Да тут и думать некогда, — отозвался Цзычэнь. — Сами видите, какой расклад. Разве есть другой выход?

Староста сочувствовал Чжао-гэру, поэтому решил предостеречь юношу:

— Чжао-гэр ни в чём не виноват. Смотри, не вздумай вымещать на нём злобу или распускать руки. Ему и так в жизни досталось.

— На женщин я руку не поднимаю, — отрезал Цзычэнь и, подумав, добавил: — На гэров тоже.

— Тогда я пойду, поговорю с семьёй Ма Дачжуана.

Люди из этой семьи только этого и ждали, так что возражать они не стали. Но возникло одно «но».

— Они требуют три ляна серебра, — сообщил вернувшийся староста.

— Что?! — Цзычэнь не поверил своим ушам. — Они что, решили, раз я смазлив, то меня можно грабить? С какой стати? Когда разрывают брак, в худшем случае человека выставляют за порог голым и босым, в лучшем — позволяют забрать приданое. Я не беру их родного сына в жёны, так почему я должен платить? Они что, дерьма поесть захотели?

Хэ Чжи развёл руками:

— Они говорят, что купили Чжао-гэра, когда ему было семь лет. Столько времени кормили, растили... Считают, что плата за это вполне справедлива.

«Кормили, как же», — подумал Цзычэнь.

Чжао-гэр стал их фуланом, родил им внука и годами работал как проклятый. Неужели этот труд не окупил затрат на его содержание? Юношу так и подмывало высказать всё, что он об этом думает.

— И что мне делать? — развёл он руками. — У меня в карманах ветер гуляет, даже мухе зацепиться не за что. Где я им возьму три ляна?

Тот самый гэр, что молил о спасении, услышав согласие Цзычэня, а затем увидев его

замешательство, не на шутку испугался. Боясь, что юноша передумает из-за денег, он подбежал к другу и легонько подтолкнул его:

— Чжао-гэр, иди! Попроси молодого господина Фана! Сейчас только он может тебе помочь. Ну же, проси его!

Чжао-гэр стоял неподвижно. Когда приятель попытался уговорить его снова, он лишь потерянно прошептал:

— Такие деньги... разве он согласится?

Деревня Сяохэ славилась своей бедностью. Три лян серебра казались небольшой суммой лишь на словах — многим семьям требовался целый год, чтобы заработать столько. Те несчастные гроши, что он ухитрялся откладывать, голодая и замерзая, едва составляли три десятка медных монет. Но недавно Гуай-цзай прихворал, и всё было потрачено на лекарства. Для него три лян были суммой заоблачной.

— Я не знаю, — ответил его друг. — Но господин Фан кажется добрым человеком, он ведь уже согласился. Если не о себе, подумай о Гуай-цзае! Он такой маленький... Если тебя не станет, семья Ма его не пощадит.

«Гуай-цзай...»

Это имя ударило Чжао-гэра в самое сердце. Он похолодел от ужаса.

— Господин... — Чжао-гэр больше не смел медлить. Хватаясь за последнюю соломинку, он подвёл сына к Цзычэню и рухнул на колени. — Молю вас, помогите нам с сыном один раз! Я буду очень стараться, я всё отработаю и верну вам до последнего гроша. Буду служить вам как верный пёс, только помогите... умоляю.

Маленький Гуай-цзай, видя это, тут же опустился рядом с отцом, упираясь крохотными ладошками в пыльную землю.

— Пожалуйста... — тоненьким голоском повторил он за родителем.

Малыш был слишком мал, чтобы понимать значение слова «умолять». И не знал, что значит этот жест — стоять на коленях перед чужим человеком.

Фан Цзычэнь переводил взгляд с отца на сына, пока не остановился на Чжао-гэре. У того было круглое лицо, кожа потемнела от постоянной работы на солнце, но выглядел он совсем юным. В чертах его лица ещё читалась детская непосредственность — скорее всего, ему было не больше семнадцати или восемнадцати лет.

Каковы особенности молодёжи в этом возрасте? Цзычэнь знал это по себе: гордость, самолюбие, болезненное чувство собственного достоинства. Подросток скорее стерпит ругань, чем заставит себя сказать «прости». Пока есть хоть какая-то надежда, он ни за что не склонит головы и не пойдёт на компромисс.

Чжао-гэр был почти его ровесником. И всё же сейчас он стоял на коленях, позабыв о гордости, и без конца повторял это унижительное «умоляю».

Когда семья Ма только пришла, пока Цзычэнь препирался со старухой, вторая невестка Ма что-то выговаривала Чжао-гэру. Тот молчал, и тогда она принялась пинать его и осыпать грязными ругательствами. Фан Цзычэнь видел, что гэр стоял неподвижно, словно деревянный столб.

И вот теперь этот человек, который даже не пытался защититься от побоев, стоит перед ним на коленях и, склонив голову до самой земли, молит о помощи. В какую же бездну отчаяния он должен был заглянуть, чтобы пойти на такое? Неужели он действительно на краю пропасти, и другого пути нет?

Эта покорность, это полное отсутствие достоинства перед лицом опасности было единственным оружием, которое у него осталось. Последняя попытка выжить. Он поставил на карту всё. И если юноша откажет, что его ждёт? Клетка в реке или невольничий рынок? Семья Ма, для которой «выродок» — самое ласковое слово, не остановится ни перед чем.

Цзычэнь тяжело вздохнул.

— Староста, вы не могли бы передать людям Ма, что деньги я отдам позже? Я напишу расписку. Но пусть они подготовят письмо о разводе и купчую на Чжао-гэра. Как только я достану серебро, мы совершим обмен.

Хэ Чжи кивнул:

— Хорошо. Я всё устрою.

Когда толпа разошлась и во дворе стало тихо, Чжао-гэр с сыном всё ещё оставались на коленях. Фан Цзычэнь подошёл к ним и сухо бросил:

— Поднимайтесь.

Отец малыша не шелохнулся. Гуай-цзай легонько потянул его за рукав:

— Папа?

Гэр вытер лицо рукавом и только тогда, опираясь на сына, поднялся на ноги.

Цзычэнь бросил пару коротких фраз и ушёл в дом. Он смертельно устал, его клонило в сон, голова гудела, а тело бил озноб. Ему жизненно необходимо было выспаться.

Фан Цзычэнь забылся тяжёлым сном. В доме и во дворе царила мёртвая тишина — эти двое не издавали ни звука, словно боялись потревожить его покой.

Цзычэнь проснулся, когда солнце уже нещадно палило. Чжао-гэр, услышав в доме шорох, что-то шепнул сыну. Малыш кивнул и направился к двери.

С тихим скрипом створка приоткрылась, и в комнату зашёл маленький Гуай-цзай. Он выглядел очень робким: всю дорогу от двери до кровати он шёл, опустив голову и теребя край своей рубашонки. Поймав взгляд Цзычэня, он тут же устался в пол.

— От... отец... — пролепетал он.

От этого обращения Фан Цзычэнь на миг лишился дара речи. Он заставил себя улыбнуться:

— Зови меня лучше «брат».

Если честно, он и сам ещё чувствовал себя мальчишкой. Услышав это, Гуай-цзай мгновенно засопел, а в его глазах заблестели слёзы. Он с такой надеждой смотрел на Цзычэня:

— Ты... ты меня не любишь? Я буду... буду послушным. Честно.

У Фан Цзычэня не было опыта общения с детьми, да и сердце у него было не каменное. Глядя в эти влажные, полные обиды глаза, он через пару секунд сдался:

— Ладно-ладно. Зови как хочешь. Хоть сыном своим меня называй, только не плачь.

Гуай-цзай вытер слёзы и просиял. Он осторожно потянулся ручонкой к ладони Цзычэня:

— Отец, кушать...

Только тогда Цзычэнь понял, как он голоден — он пропустил уже два приёма пищи. Стоило подумать о еде, как желудок отозвался громким урчанием.

Чжао-гэр ждал их в кухне. На столе в треснувшей миске стояло варево, похожее на густую чёрную кашу. Это был грубый необработанный рис, сваренный вместе с дикими травами.

Пока Фан Цзычэнь спал, гэр набрался смелости и осмотрел хозяйство. Он ходил к тётушке Лю за вёдрами, доверху наполнил чан водой, вымел кухню и вычистил весь двор. Он всем сердцем надеялся, что когда юноша проснётся и увидит всё это, он не будет разочарован.

<http://bllate.org/book/15357/1412934>